

Мария ОМАР

МЁД И НЕМНОГО ПОЛЫНИ (избранные отрывки)

Сын родился!

Пятую беременность Акбалжан ходила тяжело. Ноги раздулись, не влезали в старые валенки. Муж отдал ей свои, с широкими голенищами.

– Да что ты полные ведра поднимаешь! – говорила подруга Саша. – Пожалей ребеночка, хватит уже надрываться, рожать скоро!

– Вот и отдохну, – отвечала Акбалжан.

– Не молодая уже, – ворчала свекровь Разия-апа. – Хоть бы выносила мне нормального внука. И тошнит ее, и тошнит! Ну ладно вначале, а то уже сколько месяцев, как поест, бежит кур кормить.

Разия-апа жила вместе с младшим сыном и снохой Какат по соседству с Кужуром. Делали всё на два дома, дружно. То Какат сварит лапшу, отольет полкастрюли Акбалжан. То Акбалжан соберет запачканные пеленки новорожденной дочери Какат, стирает со своим бельем.

Пока Какат кормит ребенка, Акбалжан разливает чай гостям, что пришли поздравить Разию с внучкой. Сначала надо плеснуть в пиалу подогретого молока, потом ядреную заварку из маленького чайника и немного кипятку из самовара, чтобы цвет стал приятным, как у вареного сахара. Наливать нужно по чуть-чуть, если подашь полную пиалу – это для стариков неуважение, всё равно что сказать: пейте скорей и убирайтесь вон.

Ноги Акбалжан от долгого сидения на нарах затекли, да еще подташнивает. Первой не встать, разговоров не оберешься. Когда же закончат? Апай-соседка просит чаю покрепче. Бородатый ата рассказывает, как украл свою старуху девчонкой из-под носа у бая. Это надолго. Взяла в рот курт, от кислого тошнит чуть меньше. Налила по новому кругу заварку.

Спустя час гости стали собираться домой. Акбалжан положила каждому в газетные кульки баурсаки, чтобы угостили дома внуков. Только старики за порог, накинула фуфайку, валенки с галошами и поковыляла в мороз за сарай, в дощатый туалет.

Пока пришла, свекровь начала прибирать дастархан.

– Я сама! – Акбалжан взялась мыть чашки.

Разия-апа открыла было рот, а потом пристально поглядела на живот снохи.

– Опустился! На днях родишь.

Схватки начались ночью. Утром в доме собрались женщины. Кужур то выходил на улицу, то возвращался обратно.

– Иди, иди на работу, от тебя помощи не будет, – выпроводила сына Разия-апа.

Помощницы расплели Акбалжан косы, расстегнули пуговицы на платье. Раскрыли все двери, что были в доме, кроме входной. Распахнули сундук, развязали мешки, чтобы открыть путь младенцу. Подождли адыраспан и пахучим дымом прошлись вокруг роженицы. Поставили жарить куырдак из баранины, гремя крышкой от казана¹.

К обеду послали сани за доктором в другой поселок – Акбалжан обессиленна, никак не разродится. Мясо почти готово, вот-вот казан выиграет схватку.

¹ Речь об обряде жарыс қазан (букв. – «соревнующийся котел»). Мясо жарили в казане, постоянно поднимая крышку и ударяя ею по посуде. Люди верили, что кипящий казан соревнуется с женщиной и она родит быстрее, чем будет готово мясо.

Разия пошевелила кочергой дрова в печке. Огонь вспыхнул ярче. Подошла к Акбалжан, та тяжело дышала.

– Говорила, нельзя беременным шить, роды будут трудными. Вот упрямая! – пробурчала свекровь.

Врач по фамилии Вишневский прибыл вовремя – начались потуги. Едва успел раздеться, как Акбалжан замерла, вскрикнула «иы-ых», и ребенок наконец вышел.

Увидев новорожденного в пузыре, заполненном водой, Разия отскочила и замахнулась кочергой, будто хотела отшвырнуть непонятное существо.

– Мынау не?! (Что это?) – взвизгнула она.

Вишневский мигом вскрыл оболочку скальпелем и освободил младенца от пленки. Ребенок закричал.

– Крупная девочка. В рубашке родилась, – сказала одна из помощниц. – Удачливая будет!

– А как же! – улыбнулся доктор. – Уже повезло, что не задохнулась.

Акбалжан приподняла голову, посмотрела на дочь, и тепло струйками разлилось в груди, наполняя ее молоком и нежностью.

Послали за Кужуром. Соседский мальчишка, перепутав, прокричал ему: «Сүйінші! Ұл туды!» («Сын родился!»)

Кужур забежал с мороза, постучал валенками, чтобы отряхнуть снег, быстро стянул их и подошел к матери, державшей завернутый в пеленку комочек.

– Еще одна внучка, – умиротворенно сказала Разия-апа.

Кужур заулыбался, лицо его покраснелось. Вымыл ладони под железным умывальником, растер до тепла. Осторожно взял ребенка и понюхал маленькое сморщенное личико.

– Қызым (доченька), – прошептал он.

Вечером принес сверток, протянул жене. Акбалжан развернула, а там – два тяжелых браслета. Надела на запястья. Приподняла руки, покрутила кистями, любуясь подарком. С тех пор эти браслеты снимала только на ночь.

Через несколько дней в сельсовете зарегистрировали новую жительницу Каратала. Когда у Кужура спросили, какое имя записывать, он, улыбувшись, ответил: «Ұл туған!²»

«Жумабаева Олтуган³ Кужуровна. Родилась двенадцатого декабря тысяча девятьсот пятидесятого года», – вывел каллиграфическим почерком служащий конторы.

У казахов называют девочек Ултуган или Улболсын с пожеланием того, чтобы следующим родился мальчик. В этот раз, говорили потом в семье, имя дали по чистой случайности.

Соленые ладошки

Бабку Рахменкулову, по слухам, боялся даже бородатый отшельник, который убил жену, а после тюрьмы приходил к знахарке замаливать грехи. Эта пожилая татарка, имя которой почему-то никто не называл, казалось, умела всё. Шила одежду, заговаривала болезни, гадала. Женщины бегали к ней по секретным делам.

Если у кого-то ныл зуб, бабка делала кулек из газеты, поджигала. После сгорания собирала ваткой сажу с блюдца, клала ее на десну. Боль утихала.

¹ Сүйінші – вознаграждение за добрую весть.

² Ұл туған – вариация выражения «Сын родился».

³ Буква «Ұ» обозначает звук, который произносится как нечто среднее между русскими звуками «У» и «О», поэтому имя было записано как Олтуган.

Однажды у Райсы заболел зуб, да так, что распухло пол-лица. Газетная сажа не помогла. Тогда бабка приложила к ее щеке пиявок. Олтуган во все глаза смотрела, как черные твари мгновенно присосались к нежной коже сестры и раздулись.

– Вот будешь еще мамку сосать, тебе поставлю, – пригрозила бабка.

Олтуган до пяти лет не могла оторваться от материнской груди. Посторонние стыдили, а она, прибежав на базу к матери, молча тащила ее в закуток, расстегивала платье и припадала к заветному лакомству. Акбалжан отличить дочь не могла. Когда поняла, что дальше тянуть некуда, начала мазать грудь маслом с перцем. Совала за пазуху козий хвост, говорили, это отпугнет. А Олтуган брала тряпку, всё вытирала и продолжала свое. После слов бабки отказалась от грудного молока сама.

Кужур того пуще баловал дочь. Куда только девалась его суровость! Если бы она захотела шкуру золотого барана, и ту бы достал.

Завидев издали салатное пальто или красное платье дочери, Кужур оставив работу, что было для него неслыханной вольностью, и наблюдал за ней. Если Олтуган задерживалась в местном магазинчике, он бежал туда.

– Почему моя дочь так долго стоит? – грозно спрашивал Кужур. – Что есть для нее?

Продавец доставал из-под прилавка конфеты, печенье, припрятанные для своих.

Соседка Зубайда донимала Акбалжан:

– Слишком потакаете, нельзя так, вот увидите, вырастет непослушной!

Получив в ответ лишь красноречивый взгляд, Зубайда высказывала другим соседям:

– За какие заслуги ей достался такой муж – зарабатывает, не пьет, не гуляет, девчонку, как султаншу, на руках таскает!

«Сары қыз» («светлая девочка»), как называли Олтуган из-за белой кожи, ела сладости без меры. Зубы чернели острыми треугольниками, а к лету началась золотуха. Кожа чесалась, покрылась зудящими болячками. Бабка Рахменкулова сварила специальную мазь, но на этот раз ее средство не помогло. Тогда она сказала, что спасут ребенка соленая вода и грязи Тузлукколя. Добираться до источника в Беляевский район – два дня пешего хода.

Акбалжан собрала односельчанок, которые тоже хотели подлечиться, и отправилась в путь. Шли по самому пеклу. На июльском солнце лицо и руки Акбалжан стали еще темнее, а у Олтуган покраснели, зашелушились. Когда она уставала, мать сажала ее к себе на спину и топала дальше.

После двух ночевок добрались до долины. Степь всюду выгорела, а здесь росла ярко-зеленая трава. Щекотала ноги, пряча в себе ящериц цвета сухой глины, давала приятную прохладу. В низине журчал ручей, в излучинах обрзовывавая мелкие озерца. Вокруг – маслянистый ил, покрытый белым налетом соли, и пузатые стебельки бурого солероса.

Люди приходили сюда со всех окрестностей. Совершив омовение, поднимались на холм с надгробными столбиками құлпытастар. Читали молитвы. Говорили, когда-то здесь проходил Великий шелковый путь, с тех пор осталось древнее захоронение. Спускались по извилистой тропинке с другого склона. Умывались соленой водой, вытекающей из отверстия в каменной стене.

Закончив с ритуалами, Акбалжан выбрала подходящую яму с грязью. Велела дочери раздеться. Та сняла платице, поморщившись, потрогала пальчиком темную вонючую жижу.

– Я не хочу! – захныкала.

– Не для того мы сюда шли, чтобы теперь ты капризничала! – сказала мать и силой опустила ее в лунку.

Олтуган закричала:

– Ай-ай, больно! Щиплет ранки! Отпусти, я папке пожалею!

Акбалжан подержала ее еще минут десять и только потом позволила вылезти.

На солнце грязь стягивала кожу. Хотелось отмыться. Когда корка высохла, стала серой и растрескалась, путницы плюхнулись в прохладное пресное озеро.

Вдоволь накупавшись, по скользкому обрыву взобрались на берег. Развели огонь, вскипятили в закопченном казанке воду, испекли в золе картошку.

Женщины неспешно разговаривали, попивая чай. Олтуган, обжигая пальцы, очистила кожу с картофеля. Лизнула соленые ладони и откусила кусок.

– Мам, как вкусно! Давай дома тоже будем так печь на костре!

Так купались три дня. После этого похода кожа Олтуган стала здоровой и чистой.

Цивилизация

Каратальские девушки извлекли из платяных шкафов коротенькие ситцевые и штапельные платья. Старательно разгладили складки тяжеленным углевым утюгом, время от времени раскачивая, чтобы поддерживать жар внутри. Подражая киноактрисам, сделали кудри – для этого на ночь накрутили на бумажные полоски мокрые волосы. Надушились, передавая единственный флакон духов по кругу, хотя это и не требовалось для того, к чему они готовились. Женщины оттерли подолами чумазы мордашки детей. Строго-настрога велели сидеть тихо, не шевелиться.

Замерев, ждали вспышки. Куантай всматривался и щелкал затвором. Кужур, не жалевший ничего для приемного сына, на восемнадцатилетие подарил ему фотоаппарат, и тот стал для колхозников важнее самого управляющего.

Куантай сушил снимки в темном заброшенном сарае. Выносил, разглядывал на свету. Сначала каждое фото казалось чудом, затем начал замечать недостатки, старался, чтобы получалось еще лучше.

Больше всех в семье любила фотографироваться Олтуган. Первый раз её в неумело намотанном на голову платке снял заезжий фотограф. До сих пор пеняла Райсе, что та нарядилась в модный пиджак, а её сфотографировали в чем попало. Зато теперь, надев любимое платье из глянцевого тафты, перебивающееся от вишневого до фиолетового (жаль, фотобумага не передавала цвета), позировала брату. Упирала ручки в бока, улыбалась, задирала подбородок, делала серьезный взгляд.

Кужура заснять не удавалось: не хотел. Акбалжан тоже сначала отнекивалась:

– Зачем? Вон, тех, кто помоложе, фотографируй.

Потом научилась глядеть в камеру, замирая и вглядываясь в большой стеклянный глаз. Любила рассматривать черно-белые фотокарточки, удивляясь, как человеческие фигуры и лица проявляются на бумаге.

Десятый год она жила размеренно рядом с мужем. Напевая, стирала овечью шерсть, оставляющую на ладонях резкий запах, шила корпешки, прикладывая разноцветные лоскуты друг к другу. Готовила в казане на уличной печке молочное сузбе из подсоленного айрана. Положишь его в обжигающую жирную сорпу, и она становится приятно-кислой. Часть сузбе скатывала в продолговатые колбаски и, раскладывая на газеты, подсушивала на солнце. Получался сухой твердый курт.

Летом выезжали пасти колхозный скот. Пока коровы стояли в воде, отмахиваясь хвостами от шершней, Кужур рыбачил. Рядом плескались дочка и племянники. Стоило вытащить щуку или голавля, дети подбегали с куканом. Привязывали сетку с уловом к веточке ивы и опускали в проточную воду.

С низких кустов собирали ароматную горную вишню. Её измельчали, раскатывали тонкими пластинками, как тесто для бешбармака, и засушивали пастилу.

На соғым Жумабаевы резали в складчину с другими семьями лошадь или верблюда. Мясо развешивали на веревки, как белье. К концу зимы оно приобретало вяленый привкус.

В Каратале появился электрический свет. Лампы зажигались с шести утра до двенадцати ночи. Моторист Молдабай вечером три раза включал и выключал рубильник – подавал знак, чтобы все подготовились.

– Молдабай моргает, надо быстрее постель стелить! – торопились каратальцы.

Когда у кого-то были поздние гости или срочные дела, то бежали к нему. За пол-литра Молдабай мог «забыть» вовремя вырубить электричество.

Парашют

В Каратале – переполох. Все бегут посмотреть находку сына Абдразаковых. Парашют застрял в ветвях карагача на окраине поселка. Парнишка хватил ножом стропы и принес домой белое полотно, которым можно укрыть целый двор. Повезло же! Мужчины спорят, откуда залетел парашют и куда делся его хозяин. Женщины по очереди трогают нейлон и цокают – легкий материал, похож на шелк. Мать Абдразаковых складывает ткань пополам, дает один конец сестре и скользит с тонким присвистом ножницами по сгибу. Раздает одинаковые квадраты тем, кто пришел. Дети в восторге. Обсуждают, как натянуть лоскуты на ивовые прутья, привязать веревки да и запустить в небо воздушных змеев. Но матери отбирают ткань – в хозяйстве пригодится, крепкая.

Дети долго еще бродили по лесу, надеясь найти новый парашют. Олтуган хотелось полетать на нем. Интересно, какой Каратал сверху? Спросить у мамы? Но ведь и она не знает, к тому же занята – шьет из подаренной ткани сумку для продуктов. Раньше-то была вся в делах, а после смерти папы совсем не улыбается. И с деньгами стало хуже. Правда, подруги Олтуган так же живут, а то и беднее. Многие без отцов после войны.

– Хлеб с картошкой есть – проживем! Бас аман болсын! (Главное, сами живы-здоровы!), – часто приговаривает мама. Олтуган больше по душе слова папы: «У моей дочери должно быть самое лучшее!» Специально ведь ездил на попутке в магазин в казахстанский поселок Студенческий – купить ей пальто. То самое, ярко-салатового цвета, которое потом высматривал издали. Олтуган не могла дождаться, когда наступит осень, чтобы похвастать перед подружками. Не вытерпела, надела пальто в теплом августе и вышла гулять. Вернулась перепачканной. И даже тогда папа не отругал.

– Акбалжан! Была у Абдразаковых? Вечно им везет!

Мысли Олтуган прервал голос соседки из-за забора. Зубайда полола в своем огороде траву.

Акбалжан глянула на нее и продолжила белить дом.

– А налоги, душат же, душат! – продолжала Зубайда, держась за поясницу. – На скот, на молоко, на яйца, на кур, скоро на кошек с мышами налог введут! Самим ни мяса, ни сметаны не остается.

Акбалжан посмотрела на небо.

– Кызым, солнце еще высоко, успею побелить и внутри. Вытащи одеяла с подушками! – велела дочери.

Олтуган стала развешивать на заборе постель. Вынесла и кипу облигаций. Эти листы бумаги, похожие на огромные купюры, давали вместо половины зарплаты, но купить что-то на них было невозможно.

– Сколько можно с ними возиться, только место занимают, – проворчала Акбалжан и бросила облигации в печку.

С улицы раздались детские возгласы:

– Лохмотник, лохмотник!

Олтуган забежала в дом, вытащила заполненный мешок. Поволокла его на дорогу, к телеге седого старьевщика, у которой уже собралась толпа мальчишек и девочек разного возраста.

Маленькая Фатима отдала старику дырявый пуховый платок и получила мятный леденец в форме карандаша. Лешка обменял на глиняную свистульку какую-то железяку.

Олтуган раскрыла мешок.

– Ну, что там у тебя? – лениво спросил старьевщик.

Олтуган стала торопливо вытаскивать тряпки, кости, крышку от кастрюли.

– На, – старьевщик протянул леденец.

– У меня там сапоги еще.

– И что?

– Вы же за обувь монетки давали!

– Что за сапоги?

– Вот, это папкины, болотные, в них и рыбачить можно!

– Шустрая какая, – усмехнулся старьевщик. Взял сапоги в руки, повертел и снова протянул леденец. – Пряма на базаре тебе торговать. А сапог-то дырявый.

Олтуган покраснела:

– Я могу заклеить!

– Ладно, – старик достал из кармана монету и вложил ей в ладонь вместе с леденцом.

Каратальцы почти ничего не выбрасывали. Съестное шло на корм скоту. Бумагу сдавали в макулатуру, железо – на металлолом. Взрослые одежду таскали до дыр, а детские вещи передавали друг другу.

Из коры березы дети выплавляли на костре тягучие черные жвачки. Кукол делали из деревяшек, рисуя глазки углем. Зимой, привязав гладкие щепки к валенкам, катались на замерзшем озере.

...Отдав деньги матери, Олтуган побежала играть в казаки-разбойники. Прячась за деревом, заметила вдали белоснежное полотно.

– Парашют! – запрыгала она.

Вокруг вмиг собралась ватага. С криками «Ура!», «Я первый!» дети помчались к лесу, где белел парашют. Только вблизи увидели, что на ветках висит простыня.

Оказалось, в лесной тиши городская барышня крутила роман с каратальским трактористом. Сконфуженная неожиданным набегом, девушка спряталась в кусты. Дети застыли с открытыми ртами, пока раздосадованный мужик в семейных трусах не заорал:

– Брысь отсюда, салаги!

Ох и быстро пришлось улепетывать!

Отличница

Наголо обритый второгодник Лешка раскидывал руки, как иной рыбак показывает рыбину, которую якобы поймал, и тараторил:

– Вкуснее конфет, зуб даю! Вот такие огромные!

Разморенные дети грелись на обжигающем песке после прохладной уральской воды. Закапывали друг другу ноги, раскладывали на спинах плоские горячие камни, рисовали острыми палочками узоры и буквы. Но вдохновенная речь и урчавшие животы заставили встать.

– Там их тучи! Можно брать, это же государственное, считай, ничье. И забора нет, – расплял Лешка друзей.

Решили пойти на колхозные бахчи сейчас же.

– Салаг не берем! – сказал было Лешка, но глазастая Фатима заревела так жалобно, что пришлось взять и ее.

Искупались еще разок, чтобы смыть песчинки с тела да освежиться перед дорогой, и – на окраину поселка.

На поле и вправду никого. Полосатые арбузы, шершавые дыни и гладкие светло-желтые тыквы лежат на земле, подставив бока палящему солнцу. Набрали, кто сколько смог. Олтуган засомневалась. Но все же берут! Не смогла поднять большой арбуз, выбрала полегче. И тут...

– А ну, стой! – раздался громкий окрик.

От неожиданности Олтуган уронила добычу. Арбуз раскололся на части, раскрывшись бархатистой мякотью. Ступни будто прилипли к сухой глине.

Пацаны бросились врассыпную. Сторож, тщедушный дед Йоська, выстроил девочек в ряд, начал записывать. Руки Олтуган задрожали, и она спрятала их за спиной.

– Ты чья? – нахмурил сторож седые клокастые брови, когда очередь дошла до нее.

– Жу-жумабаева, – пролепетала она, краснея, как арбуз, который не смогла удержать.

– Не реви, – одернула ее двоюродная сестра Злиха.

– В тюрьму теперь посадят! – всхлипнула Олтуган.

– Да перестань, ничего не будет!

Маленькую Фатиму старик не записал: так разревелась, что он только покачал головой.

Олтуган еле добрела до дома. Засветло легла на нары, а когда мать пришла с работы, притворилась спящей. Той ночью ей снился дед Йоська. Бровастым филином летал он над головой. Грозно ухал. Мелькнуло разочарованное лицо матери:

– Мне такая дочь не нужна!

Олтуган проснулась затемно. Вспомнила об отце. Представила, что он сидит рядом. Захотелось обнять его, потрогать пальчиками щетину и, капризно надув губки, сказать:

– Пап, мне плохо!

А он закружил бы ее:

– Как это моей золотой плохо? Ну-ка, давай покатаю тебя на чок-чоке!

Так он говорил, когда носил дочку на шее.

На рассвете, когда мать ушла, Олтуган встала, прибралась в доме. Весь день никуда не ходила. Прибежала Злиха, позвала играть.

– Я не пойду, – сказала Олтуган. – А ты не боишься, что наши узнают?

– Про арбузы, что ли? Бабушка ничего не скажет! Я даже со школы сбегая, она меня от учителя прячет. Говорит ему, что не знает, где я, а потом зовет пить чай.

Олтуган вздохнула и проводила сестру.

К вечеру сварила картошку в мундире. Села читать.

– Думала, не узнаю? – спросила Акбалжан с порога.

Олтуган уткнулась в книжку. Мать окинула взглядом чистые полы, сложенные подушки, дымящуюся кастрюлю. Дочь не поднимала глаз.

– Краснела из-за тебя в сельсовете! – Акбалжан сняла и бросила на кровать платок. – Не стыдно позорить фамилию отца?

Олтуган загнула край листа, расправила его и начала разглаживать страницу. Быстро вытерла слезы. В тот вечер не сказала ни слова.

Больше всего она боялась, что о происшествии доложат в школу. Ложась спать, представляла, как вызовут ее на линейке первого сентября, поставят перед рядами и начнут ругать. Она будет плакать, а учительница скажет: «От кого, от кого, а от тебя такого не ожидала!»

Елизавета Павловна приехала в Каратал после педучилища. Тоненькая, высокая, она всегда ходила в платьях с белым воротничком. Ученики называли ее Ляззат Паловной. Она рассказывала о больших городах и советских достижениях, размахивая руками с таким воодушевлением, что, казалось, вот-вот взлетит, как стрекоза. На переменках каждый ребенок хотел первым подать сумку, указку или протереть доску, чтобы учительница похвалила его.

В первый день сентября о происшествии никто ничего не сказал. И во второй, и в третий. А Олтуган еще больше старалась быть самой лучшей. Выводила округлые букочки ровно, с идеальным наклоном. Переписывала дома всю тетрадь из-за помарки или кляксы, которая заливала страницу, стоило неосторожно встряхнуть ручку или чуть перебрать чернил.

Елизавета Павловна приводила Олтуган в пример:

– Вот так нужно писать, как Жумабаева!

Каждый раз, слыша похвалу, Олтуган вспоминала хлесткие слова матери и шептала: «Видишь, пап, я не позорю нашу фамилию!»

На Первое мая Елизавета Павловна задумала устроить демонстрацию. Показала ученикам, как мастерить из картона голубей и «пятерки».

– Аккуратно раскрашиваем! Теперь к палочкам приклеиваем, вот так. Молодцы!

Дети хвастали друг перед другом:

– У меня больше получился!

– Зато у меня похож на настоящего голубя, а у тебя ворона какая-то!

Праздничный день выдался солнечным. Колонна вразнобой вышагивала по улицам поселка под речевку:

«Кто шагает дружно в ногу,

Пионеру дай дорогу!»

Во главе колонны размахивали картонными отметками отличники – Олтуган в нарядном платье и ее одноклассник Гали. Долговязый Лешка приделал к кепке красный цветок из бумаги и стал похож на своего дядю, гармониста. Конопатая Анютка шла, прихрамывая: накануне искала корову и упала в овраг. За детьми бежал одноглазый пес по кличке Пират. Когда запели песню про Первомай, он заскулил, будто ему придавили лапу. Елизавета Павловна то поправляла ряды, чтобы все шли ровно, то отгоняла Пирата, то вытирала свои запылившиеся туфли. Каратальцы, встречая парад, улыбались, махали в ответ.

Через день на школьном собрании разразился скандал.

– Почему это детей нацменов поставили впереди? – срываясь на визг, кричала Рыжая Сонька, дочь которой училась вместе с Олтуган. – Я не верю, что они знают русский язык на отлично!

– Но... К-как же... – Елизавета Павловна растерла ладонями щеки, оглянулась на доску, где написала мелом «Мир, труд, май», и начала торопливо искать в стопке тетрадь Олтуган – показать, как она пишет.

Поднялась Саша, подруга Акбалжан:

– Мы работаем вместе много лет. В войну делились последней коркой хлеба, не думая, кто какой нации. Человеком надо быть – вот что главное.

– Да, – зашумели люди. – Нельзя так!

Елизавета Павловна нашла наконец тетрадь и стала ею обмахиваться. Подбежала к окну, раскрыла его шире. Взглянула на Акбалжан. Матери второго отличника на собрании не было.

– Извините, – сказала учительница. – Простите, это так неприятно.

Акбалжан кивнула. Поправила платок. Ей не хватало русских слов выразить то, что чувствовала. Наткнувшись взглядом на Соньку, села еще прямее. Та скомкала в пальцах лист бумаги, с шумом отодвинула тесную парту и вышла.

Акбалжан пришла домой уставшая. На столе пыхтел углевой самовар, разогретый Олтуган. Кипяток из чайника Акбалжан не признавала, называя его «дояркин чай», такой приходилось пить в поле. Дома же любила почаевичать по-людски, с дымком.

Подошла к дочке, которая корпела за уроками, провела ладонью по её волосам. После смерти Кужура она проявляла ласку редко. Олтуган удивленно повернулась.

– Айналайын!¹ – сказала Акбалжан. – Учись хорошо дальше! Получи образование, тогда не будешь так тяжело работать, как я. Завидовать, наговаривать тоже будут, не обращай внимания!

– Что-то случилось?

– Ничего, глупые разговоры, – поморщилась Акбалжан.

– Мам, прости меня, – у Олтуган задрожали губы. – Тогда с арбузами я... – она уткнулась в грудь матери.

Акбалжан поцеловала ее в макушку.

– Говорят, если у тебя плохие дети, хоть на верблюде сиди, собаки покусают. А если хорошие, держи голову прямо!

¹ Айналайын – ласковое обращение, буквально означающее «окружу тебя любовью, заберу твои беды». Напоминает об обряде, когда родитель ходил вокруг юрты, чтобы взять на себя недуг заболевшего ребенка.